

Л. Е. КУДРИНА

**«...ОЖИВИТЬ МЕРТВЫЙ КАПИТАЛ
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ»:
ЭПИЗОД ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ
1930-х ГОДОВ**

В массе книгоизданий, поступивших в фонд Отдела краеведческой литературы НГОУНБ¹ в последние годы, особое место занимает многотомный научный сборник «Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы (по материалам нижегородских архивов)». Публикация громадного массива ранее засекреченных документов, касающихся советского периода истории, стала настоящим событием в краеведении. Подготовку издания осуществляли нижегородские архивисты. Именно благодаря идеально налаженной работе нижегородской архивной службы стало возможным осуществление издательского проекта Института российской истории РАН на базе нашего региона.

Письмо писателя Валентина Ивановича Костылева первому секретарю Горьковского крайкома партии Эдуарду Карловичу Прамнэку² от 4 ноября 1936 года, опубликованное во втором томе сборника «Общество и власть», интересно во многих отношениях. Небольшой, всего две страницы, документ позволяет увидеть дистанцию, проделанную архивной службой нашего края за минувшие десятилетия.

Тема, заявленная названием сборника, дана здесь в классическом, неизменно информативном ракурсе – художник и власть. Первая сторона представлена известным писателем, интеллигентом дореволюционной

формации, вторая – крупным партийным руководителем, в котором ярко и оригинально воплотился тип человека ранней советской эпохи.

Письмо В. И. Костылева было вызвано откликом Э. К. Прамнэка на то, что опубликованный Горьковским книжным издательством роман «Питирим». О содержании отклика мы можем судить лишь опосредованно, потому, как взволнован и обрадован автор романа: мажорная интонация сильно отличается письма Костылева от других текстов сборника.

Напомним, что действие романа «Питирим» происходит в петровскую эпоху, когда, как и в 20–30-е годы XX века, радикально менялся традиционный уклад жизни. Нижегородский епископ Питирим осуществлял карательную политику Петра Первого в отношении старообрядцев. Обличение жестокого деятеля Русской православной церкви весьма соответствовало антирелигиозному и антиклерикальному пафосу 1930-х годов. Писателю не составило труда справиться с этой конъюнктурной задачей, но не она была ему наиболее интересна. В письме Э. Прамнэку Костылев доверительно и увлеченно рассказывает о том, с какими проблемами он столкнулся, работая над романом. Писатель досадует, что ему не удалось максимально достоверно отобразить историческую реальность, поскольку он был ограничен в работе с документами: «Я должен Вам высказать ряд своих соображений о постановке у нас в Горьком архивного и краеведческого дела, о том, что мой роман был бы лучше и насыщеннее фактами, если бы это дело было у нас на должной высоте...»

Как художник Костылев жаждет фактуры. Будучи несвободен на уровне идейной оценки описываемых событий, он стремится обрести максимум свободы на дозволенной территории — на уровне досконального знания подробностей, предметной среды, индивидуальных речевых особенностей прототипов героев и т. д.

Говоря о важности архивной информации для писателя, работающего в жанре исторической прозы, В. И. Костылев вспоминает, как помогло ему глубокое знание фактов и документальных материалов в работе над романом «Хвойный шторм», посвященном установлению советской власти в лесном Заволжье. Современный читатель вполне может оценить результат: роман до сих пор читабелен. Можно не соглашаться с идеологической составляющей, но трудно не восхититься тем, насколько подлинна фактура, как передан дух времени и места. Именно максимальной достоверности желал добиться Костылев и в романе «Питирим».

Досада писателя понятна. Находиться рядом с океаном информации и не иметь возможности ею воспользоваться! В те годы архивистам поневоле приходилось исполнять роль скупых рыцарей, состоящих при несметных богатствах (один только Губернский исторический архив XVI—XIX вв., собранный НГУАК, насчитывал около миллиона дел). Огромная работа по систематизации и изучению этих сокровищ еще только предстояла. И все же В. И. Костылеву удалось заполучить многое из того, что он хотел. В письме упоминается человек, чье имя дорого каждому нижегородскому краеведу: «Питирим» я написал в основном на

материалах Духовного Розыска. Приказы 1719–1720 гг., которые вшиты в одно большое «дело». Там были акты и все подлинники пыточных «опросников» и т. д. Резолюции и письма Питирима, Петра I. Всем этим я был обязан архиву в целом, а персонально — старому архивариусу, фанатику этого дела, дрожащему над каждым документом больше, чем над своей собственностью — 75-летнему старцу Ивану Ивановичу Вишневскому».

Письмо В. И. Костылева — моментальный снимок ситуации, в которой находилась архивная служба в 1930-е годы. «Архивное бюро приводит в порядок, спасает гнущиеся документы, занимается их сохранностью и только. Краеведческое бюро одно пустое место. Оно всегда или на замке, или безлюдно сидит один канцелярист... И над архивным бюро, и над бюро краеведения, и над редкостным книгохранилищем (старинных книг) библиотеки имени Ленина нужна какая-то животворящая, организующая их оперативную, целеустремленную деятельность сила, которая вовлекла бы их в творческую, исследовательски-научную работу, необходимую для раскрытия фактов прошлого, для изучения бытовой ткани его в свете марксистско-ленинской науки, в направлении, указанном тт. Сталиным, Ждановым в их письме по поводу изучения исторической деятельности...» Здесь — очень важный момент. Писатель упоминает документ, который в ближайшее время окажет прямое воздействие на развитие советской исторической науки. «Замечания И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР от 8.08.1934 и о конспекте учеб-

ника по новой истории от 9.08.1934» были опубликованы в газете «Правда» в январе 1936 года. Несмотря на рутинное название и привычные отсылки к марксистско-ленинской идеологии, этот документ обозначил радикальный поворот в отношении к исторической науке. До этого времени в средней школе историю проходили лишь в рамках уроков обществоведения. Теперь ситуация менялась: исторические события полагалось не только оценивать с марксистско-ленинских позиций, но и изучать. Как следствие – неизмеримо возрастала роль архивов.

Вполне возможно, что именно этот документ побудил Э. К. Прамнэка прочитать роман, непосредственно касающийся истории региона, главой которого он являлся. Известный нижегородский хирург Михаил Вениаминович Колокольцев вспоминал о том, как Прамнэк брал уроки русского языка. Видимо, он знал русский язык не на том уровне, когда процесс чтения доставляет эстетическое переживание. Скорее всего, «Питирим» увлек его содержанием. Начал читать и увлекся до того, что сел писать отклик... Как жаль, что этот отклик не сохранился! Наверняка он не был дежурной отпиской... Мы никогда не узнаем, о чем размышлял Прамнэк, какие ассоциации у него рождались в процессе чтения этого романа, в котором так много «переклички эпох». Взять хотя бы те самые «точные опросники», с помощью которых Питирим собирался вести честную дискуссию со старообрядцами по вопросам веры. Говоря языком ранней советской эпохи, рассчитывал их «распропагандировать». Вспоминались ли Прамнэку знаменитые публичные дис-

куссии 20-х годов с участием наркома просвещения А. В. Луначарского и будущего митрополита А. Введенского? В обоих случаях побежденные были определены заранее...

Тем, кто читал роман В. И. Костылева, начало его письма Э. К. Прамнэку, к сожалению, непременно запомнит послания Питирима к царю. Грустное впечатление производят славословия, адресованные и сталинской эпохе, и получателю письма (большому начальнику!). Как будто и в помине не было XIX века, когда у русской интеллигенции так культивировались внутренняя свобода и чувство собственного достоинства. Невозможно представить, например, А. П. Чехова или В. Г. Короленко, в таком стиле обращающихся к высокопоставленному лицу. Но, слава богу, дань речевому этикету эпохи отдается в ограниченных пределах; дальше писатель говорит только о том, что ему по-настоящему интересно, о том, чем целиком захвачен. Столь подробно о проблемах архивной службы Костылев рассуждает не только потому, что воодушевлен откликом на свой роман: он наслышан о намерении Э. К. Прамнэка создать особую архивную комиссию, призванную «оживить мертвый капитал архивных документов» по истории края.

Письмо Костылева характеризует Прамнэка с очень важной стороны: находящийся во главе региона человек, к вниманию которого вызывают с разных сторон, с огромным количеством разнообразных проблем, находит время не только прочитать роман, но и поразмышлять над ним, написать читательский отзыв!

В именных указателях к первому и второму томам сборника «Общество и власть» имя Э. К. Прамнэка упоминается несметное количество раз. Чем только не приходилось ему заниматься! И перегибами в коллективизации, и вопросами промышленности, и расследованием самоубийства главного помощника прокурора Нижегородского края, и заготовкой дров, и борьбой с малярией, и улучшением бытовых условий творческой интеллигенции, пресловутым квартирным вопросом. Ведь такие шедевры, как роман А. Патреева «Глухая рамень», создавались буквально на краешке кухонного стола. Через несколько страниц от письма В. И. Костылева видим адресованную Э. К. Прамнэку и председателю облисполкома Ю. М. Кагановичу докладную записку членов правления Союза писателей, подписанную А. Мурашовым³, М. Шестериковым и Н. Кочиним. В записке говорится о невыносимых условиях, в которых проживают писатели А. Патреев, М. Пиголкин, А. Елисеев и К. Федоров. Имя В. И. Костылева не упоминается, но есть такая фраза: «У всех остальных товарищей, за исключением Н. Кочина, жилищные условия тоже неважные». Среди «остальных товарищей», видимо, и В. И. Костылев. Примечательно, что в личном письме писателя Э. К. Прамнэку об этом – ни слова. Зато горячо – об архивной службе! Трогает в письме В. И. Костылева демагогический прием, к которому у нас всегда прибегали просители у сильных мира сего: охваченный личной заинтересованностью в скорейшем улучшении архивной службы, он перечисляет как можно больше заинтересованных сторон: «И не только роману, и не толь-

ко писателю это было бы важно... народное образование, здравоохранение, земледелие, льноводство, лесное дело, животноводство – все имеет очень показательную для достаточного понятия нашей эпохи историю...»

В воспоминаниях М. В. Колокольцева описан эпизод, очень характеризующий Э. К. Прамнэка. В январе 1936 года в Горьком должен был состояться съезд колхозных активистов. Страстный поборник физкультуры и спорта, Прамнэк предложил, чтобы участники прибыли на место съезда на лыжах. Взяв отпуск, в начале января он в сопровождении троих спутников, в числе которых был и юный М. В. Колокольцев, отправился в пробный поход. Шли не один день, по пути останавливались в деревнях и селах. Побывали в 14 районах! У этого мероприятия была и сверхзадача: первый секретарь крайкома ВКП(б) своими глазами хотел увидеть, как живет крестьянам в отдаленных районах. Во время похода он вникал в проблемы, о которых ему рассказывали «на местах», моментально разоблачая «потемкинские деревни». Пробный поход удался. Более 3 тысяч участников съезда вскоре прибыли в областной центр на лыжах. Сотни лозунгов не сделали бы для пропаганды лыжного спорта столько, сколько сделал этот поход. «Идея эта вызвала самый настоящий лыжный бум», – вспоминал М. В. Колокольцев.

Схожие эпохи выводят на авансцену схожие типы лидеров. В рамках небольшого сообщения неуместно рассуждать ни об исторической роли, ни о заблуждениях и трагедии партийных руководителей того типа, к которому принадлежал Э. К. Прамнэк. Сравнение большевиков с Петром Первым дав-

но стало общим местом, но как актуально оно в данном случае! Заставить (а большей частью – просто заразить своим энтузиазмом) огромную массу сельчан участвовать в мероприятии, не имеющем осязаемого практического результата! Можно догадываться, что реагировали на эту прамнэковскую затею неоднозначно, так же, наверное, как и на большинство затей Петра Первого. Когда Прамнэк получит статус врага народа, в этом съезде на лыжах будет усмотрено еще одно доказательство вражеских намерений: хотел до смерти застудить колхозных активистов!

...Письмо В. И. Костылева датировано 4 ноября 1936 года. 29 июля 1938 года адресат его Э. К. Прамнэк будет расстрелян как враг народа. Это произойдет уже за пределами Нижегородского края:

ИСТОЧНИКИ

Дарков В. В. В. И. Костылев. Критич. биогр. очерк. – Горький: Кн. изд-во, 1959. – 148 с.

Докладная записка членов правления Союза писателей секретарю обкома ВКП(б) Э.К. Прамнэку и председателю облисполкома Ю.М. Кагановичу о состоянии дел в организации // Общество и власть. Российская провинция. – М.; Н. Новгород, 2005. – Т. 2: 1930 г. – июнь 1941 г. – С. 909–910.

Добротвор М. Н. Э. К. Прамнэк – образ партийного руководителя 30-х годов // Проблемы региональной истории XX века, формирование и использование архивных фондов: материалы науч.-практ. конф. 26 нояб. 1996 г. – Н. Новгород, 1998. – С. 69–71.

Замечания И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР от 8.08.1934 и о конспекте учебника по новой истории от 9.08.1934 // Правда. – 1936. – 27 января.

Костылев В. И. Питирим. Роман из Петровской эпохи. – Горький: Горьк. изд-во, 1936. – 423 с.

Лунин И. Ф. Костылев Валентин Иванович // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1966. – Т. 3. – С. 773, 774.

родского края: в начале 1937 года он был переведен на работу в Донецк.

В. И. Костылев скончался в 1950 году. В историю литературы он вошел главным образом как автор трилогии об Иване Грозном, созданной в 1940-е годы. Конформизм все более сказывался на его творчестве. «Почитавшийся Сталиным деспот примитивно идеализировался, тирания оправдывалась с государственно-политической точки зрения, ужасы смягчались...» – трудно не согласиться с оценкой, данной трилогии известным зарубежным литературоведом В. Козаком. По мнению нижегородского историка-краеведа Н. Ф. Филатова, роман «Питирим» так и остался лучшим произведением писателя.

Письмо писателя В. И. Костылева секретарю Горьковского обкома ВКП(б) Э. К. Прамнэку о состоянии архивоведения и краеведения // Общество и власть. Российская провинция. – М.; Н. Новгород, 2005. – Т. 2: 1930 г. – июнь 1941 г. – С. 896–899.

Прамнэк Эдуард Карлович // Залесский К. А. Империя Сталина: биогр. энцикл. словарь. – М., 2000. – С. 371–372.

Филатов Н. Ф. Заметки об истории Нижегородского края петровской эпохи // Костылев В. И. Питирим: роман. – Горький, 1984. – С. 345–351.

Хитрюк Ф. Последний отпуск: [воспоминания М. В. Колокольцева о совместном лыжном походе с Э. К. Прамнэком] // Курьер. – 1989. – № 21. – С. 7, 8.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нижегородская областная универсальная научная библиотека им. В.И. Ленина.

2. В источниках написание фамилии варьируется: Прамнэк / Прамнэк.

3. Вероятно, в тексте публикации допущена опечатка: ответственным секретарем Горьковского отделения Союза писателей с 1934 по 1941 год был А. М. Муратов.